Владимир Короткий
(Белорусский государственный университет)

«Литва», «Русь», «литвин», «русин» в памятниках литературы Великого Княжества Литовского XVI – XVII веков

Каждый народ, как это ни парадоксально, на протяжении своего осознанного существования всегда имел и имеет как минимум две истории: историю официальную и историю обывательскую. Обывательская история менее всего подвержена изменениям в связи с династическими либо государственными переворотами. Для нее не важны точки отсчета, не важны подробности, связанные с теми или иными событиями. В ней напрочь отсутствует политический аспект, а также самые разные доминанты целесообразности. Обывательская история выбирает только самые важные события, имеющие символический смысл, равно как и героев, судьба и деяния которых могут быть подвержены мифологизации. Таким образом, возникает миф-история, мифическая личность в их вневременном существовании. При этом выбираются герои со славными именами, представители известных родов. Антигерои, как правило, единичны. В своих злодеяниях они как бы уникальны и не имеют продолжателей.

Официальная история менее консервативна. Интерпретация отдельных событий и деяний предков напрямую связывается либо с династическими, либо с государственными интересами нации. Поэтому официально избранные для истории события или личности либо забываются, либо их деяния подвергаются диаметрально противоположной интерпретации.

Сосуществование народов-соседей предполагает и наличие граничных исторических ситуаций, когда одни и те же события, одни и те же герои могут оцениваться совершенно по-разному. Вместе с тем, одни и те же герои как бы становятся символическими образами истории сразу двух, а то и трех народов. К таким уникальным явлениям всемирной истории можно отнести национальные истории белорусского, литовского и украинского народов, которые до середины XVI столетия подвергались объединительным действиям то со стороны Киева, то со стороны Вильни. И только один народ – литовцы – сохранил для своего нынешнего государственного устроения своё древнейшее название – Литва, в то время как белорусы и украинцы на протяжении многих столетий атрибутировались соседними народами как «русы», «литовцы», «поляки». Вот почему сегодня белорусам очень трудно перевернуть устоявшееся представление соседей о нашей национальной истории, о наших национальных героях и о наших национальных традициях. И дело здесь не в белорусах и белорусской истории, а в русских, польских и литовских концепциях, которые использовались белорусскими учеными вплоть до 80-х гг. XX в.

Теперь же ситуация в научной сфере Беларуси резко изменилась. Открыты, переведены с латинского и польского языков, прокомментированы многие и многие памятники многоязычной литературы Беларуси, они введены в программы средней и высшей школы, а тем самым атрибутированы как памятники

национальной белорусской истории и культуры. И сегодняшним белорусам не нужно объяснять, кто есть кто в истории национальной культуры и что есть что в национальной истории Беларуси.

Если совсем недавно Ягайло, Витовт, великие представители родов Острожских, Радзивиллов, Ходкевичей, Сапегов воспринимались как чужеродные элементы чужеродной «панской» (а значит, небелорусской) культуры, то сегодня, наоборот, именно элитарная белорусская литература и культура становятся определяющими в понимании и трактовках национальных приоритетов и ценностей. Навязанные извне представления о национальной культуре белорусов сегодня можно расценивать как пережитки позитивистской концепции в историографии, на что неоднократно обращали внимание не только белорусские ученые Микола Прашкович, Виктор Дорошкевич, Адам Мальдис, но даже (в своё время) украинский ученый Михайло Грушевский, польский ученый Юзеф Калленбах, русский ученый Илья Николаевич Голенищев-Кутузов.

И всё же есть проблемы, которые требуют не только объективного разрешения, но и, насколько это возможно, объективной интерпретации. Это касается в первую очередь терминологических рядов, где наблюдается изменение значения отдельных терминов, которые в разные исторические эпохи имеют разное культурно-семантическое наполнение. Сегодня хотелось бы выделить из этого ряда термины «Литва», «Русь», «литвин», «русин». Так, в эпоху раннего Возрождения в Беларуси (первая половина XVI в.) термин «Литва» используется чаще всего для номинации государства «Великое княжество Литовское», т. е. как политоним. И если в литературном произведении упоминался политоним «Литва», то, как правило, шла его расшифровка на этнономинативном уровне. Так, в классическом произведении белорусской литературы начала XVI века, поэме «Прусская война» Яна Вислицкого, страна, откуда происходил великий князь и король Ягайло, называется «terra Lithuana» («*литовская земля*»):

In qua dux et avus claro cognomine magnus
Ille tuus fertur genitus Jagello, severi
Martis et horrentis faustissima gloria belli [Bellum Prutenum II, 8–10].[1]

Говорят, что в ней (т. е. в Литве) появился на свет великий князь и твой дед с известным имененем Ягайло, счастливейшая слава Марса и суровой войны.[2]

Вместе с тем, когда в этой поэме идёт описание битвы под Грюнвальдом, славной страницы истории многих народов Центральной Европы, то в данном случае используется уже не политоним, а различные этнонимы.

Agmine quos alio Russi comitantur atroces,
Lithuani frameis incurvis atque potentes,
More suo pugnare parati Massagetaeque [Bellum Prutenum II, 201—203]

Их (т. е. татар) сопровождают другим полчищем суровые русы, а также могучие литовцы с согнутыми мечами и массагеты, готовые сражаться по своему обычаю.

---

[1] *Vide*: Ян Вісліцкі. *Пруская вайна = Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum: на лац. і беларус. мовах;* уклад, перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай, Мінск: Прапілеі, 2005.

[2] Здесь и далее подстрочные переводы с латинского языка Жанны Некрашевич-Короткой.

В третьей части этой же поэмы, в сцене совета богов на Олимпе, при избрании Софьи в качестве жены для короля-победителя Ягайлы, Венера говорит, что король получит в жёны «Zophiam, praestanti corde puellam, <...> / Quae modo lata Ruthenorum colit arva potentum» [Bellum Prutenum III, 98, 100] («*Софью, деву выдающегося ума, <...> которая живёт на широких просторах могучих русинов*»). Почему автор «Прусской войны» заостряет внимание на русинском происхождении Софьи? Видимо, именно в политической ситуации начала XVI века, когда Великое Княжество Московское претендовало на восточные земли Великого Княжества Литовского, необходимо было подчеркнуть, что Сигизмунд I имел право наследования белорусских земель, а Василия III следовало рассматривать как захватчика и агрессора.

Для поэтов и писателей эпохи Возрождения ислючительно важным было указание на локализацию происхождения того или иного героя либо самого творца. Вспомним хотя бы Франциска Скорину, который в своих предисловиях к книгам «Библии» подчеркивал не только то, что он происходил из Полоцка, но и то, что он «нароженый в руском языку»[3]. Его «русское» происхождение подчеркивается и в актах Падуанского университета, где он фигурирует как «dominus Franciscus quondam domini Luce Scorina de Poloczko, Ruthenus» («*господин Франциск, [сын] господина Луки Скорины из Полоцка, русин*»)[4].

Более того, Франциск Скорина осознает себя не просто доктором свободных наук и медицины, но также учителем, наставником славянских народов, подобно Феодосию, который перевел Священное Писание с халдейского языка на греческий, а также подобно святому Иерониму, который перевел Священное Писание на латинский язык. Именно так следует понимать манифестацию Франциска Скорины о намерении «Псалтырю тиснути рускыми словами, а словенскым языком» (Францыск Скарына, 1990, с. 18). Подобную синтаксическую конструкцию мы встречаем в предисловии к книге «Иудифь»: «еврейскими словами, но халъдейским языком» (Францыск Скарына, 1990, с. 45), что означает, бесспорно, «на еврейском языке, но для халдейских народов" ("языком" здесь — форма дательного падежа множественного числа, а не творительного падежа единственного числа). Следовательно, "рускыми словами, а словенскым языком» правильно будет перевести «на русском языке, для славянских народов».

Такое заявление Франциска Скорины не случано, поскольку «русский» (т. е. белорусский) язык, с его точки зрения, близок к церковнославянскому языку, но, в отличие от последнего, является «живым» языком. Следовательно, «русский» язык, по мнению первопечатника, может быть посредником в деле популяризации Священного Писания среди современных славянских народов, как некогда еврейский стал таким же языком-посредником для халдейских народов. «Писаны бо были сие книги наипервей хладейским языком на повеление царево, яко и иные летописце, потом выложены суть на еврейский язык, он же подобен ест ко халдейскому, понеже евреи вышли суть от халдей» (Францыск Скарына, 1990, с. 71). Таким образом, «русин» Франциск Скорина осознавал себя апостолом-

[3] Францыск Скарына, *Творы* / уклад. А. Ф. Коршунава, Мінск: "Навука і тэхніка", 1990, с. 70.
[4] *Францыск Скарына: Зборнік дакументаў і матэрыялаў* / уклад. В. І. Дарашкевіча, Мінск: "Навука і тэхніка", 1988, с. 63.

просветителем славянских народов. Вместе с тем, обратим внимание на еще одну особенность употребления этнонимов и политонимов в эпоху раннего Возрождения. Если речь шла об империи Ягеллонов, то внутри ее для обозначения происхождения чаще пользовались политонимами. Так, в ректорских актах Ягеллонского университета Франциск Скорина называется «Litphanus» (Францыск Скарына, 1988, с. 58).

В эпоху позднего Возрождения, особенно после Люблинской государственной унии, когда часть земель Великого княжества Литовского отошла к Польской Короне, и в художественной литературе, и в деловой письменности чаще всего для обозначения происхождения жителей Великого княжества Литовского употреблялся термин «Литва», «литвин» и как политоним, и как этноним. Закреплению «политонимического» наполнения термина содействовало прежде всего его присутствие в самых разных инскрипциях, к примеру, «Magnus Dux Lithuaniae». Любой гражданин Великого Княжества Литовского воспринимался представителями соседних государств прежде всего как «литвин» (Августин Ротундус, «Rozmowa Polaka z Litwinem»; Андрей Волан, „Do Polaków i do Litwy").

«Литва», «литовский народ» как термины, относящиеся к неславянским народам, чаще всего присутствуют в памятниках литературы на историческую тематику, в основе которой лежат предания и легенды. Так, Матей Стрыйковский в поэме «O początkach... sławnego naroda Litewskiego» говорит о литовском народе только как об одной из составляющих частей народов будущего объединенного государства:

Jak niegdy on Eneas nad nadzieje biegu

Chwytał krzywą kotwicą afryckiego brzegu,

Gdzie go piękna w Kartago przyjęła Dydona,

Tak też litewski naród przyjął Polemona.[5]

Для римлян-переселенцев территория между Нёманом и Дубисой прежде всего – обетованная земля с ее природными богатствами, а не сложившееся государственное образование.

В «Радзивиллиаде» (Вильно, 1592) Яна Радвана известные белорусские роды Глебовичей и Ходкевичей упоминаются как представители литвинов: «… o Heleboviciae lux unica gentis, // in Litavis sydus…» («… *о Глебовичи, несравненный светоч народа, звезда меж литвинов…*»; Radivilias II. 487–487)[6]; «Chodchevicio de sanguine creti Magnanimi fraters, <…> spes geminate Litavum» («*мужественные братья из рода Ходкевичей, <…> оба – надежда литвинов*»; Radivilias III. 13-14, 16); Григорий Остик – «veteri Litavum de stirpe» («*из древнего рода литвинов*»; Radivilias III. 52).

---

[5] Maciej Stryjkowski, O początkach (...) sławnego narodu litewskiego (...), Antologia Wileńska, t. I: Litwa – Korona / pod red. R. Karasia, Warszawa: Oficyna Literatów i Dziennikarzy „POD WIATR", 2000, s. 317.

[6] *Vide*: Jonas Radvanas, *Radviliada* / Parengė, įvadą, komentarus ir asmenų žodynėlį parašė, vertė iš lotynų į lietuvių kalbą Sigitas Narbutas, Vilnius: Vaga, 1997.

В полемической литературе Великого Княжества Литовского были попытки номинации народов не по государственному признаку, а по крови. Так, известный полемист XVII века Мелетий Смотрицкий в «Верификации» (Вильно, 1621) подобную мысль обосновывает следующим образом: "Nie wiara abowiem Rusina Rusinem, Polaka Polakiem, Litwina Litwinem czyni: ale urodzenie y Krew Ruska, Polska, y Litewska…" [7]. Анонимный автор сочинения «O Confederaciey Lwowskiey w roku 1622 uczynioney, Nauka» (B. m. i r.) попытался даже определить нацию по «земле» происхождения персонажа. Так, в посвящении читаем: «Sukcessorowi memu wielebnemu oycu Protopopowi Chmielowskiemu Natione Mazurowi».

Как известно, русичи (белорусы и украинцы) после Люблинской государственной унии входили как в состав Речи Посполитой Польской, так и в состав Речи Посполитой Литовской. Если в XI – XIII в. государственно-этническое понятие «Русь» предполагало обязательную принадлежность к тем славянским народам, над которыми распространялась власть Рюриковичей, то в XVI-XVII в. этноним «русь» переходит в разряд конфессионимов, а как этноним употребляется лишь применительно к жителям Киевской Руси.

Следует заметить, что в XVII в. появляются еще более конкретные номинации «Руси». В титулярном обращении к православному Митрополиту Петру Могиле появляется определение «российский», возникает термин «Россия», «российский». В «Евангелии учительном» (Евье, 1616) присутствует пассаж «на все широкіи славного и старожитного народу россійского краины»[8]. Для номинации русинов Великого Княжества Литовского характерен и еще один национально ориентированный термин: «białorossyskie obfite narody»[9] («).

Писатели Великого Княжества Литовского – как белорусскоязычные, так и польско- либо латиноязычные – по-разному трактовали историко-аксиологическое наполнение терминов "Литва", "Русь", "литвин", "русин". Свидетельством тому являются самые разные произведения Михалона Литвина, Августина Ротундуса, Ипатия Потея, Мелетия Смотрицкого, Иосифа-Вельямина Руцкого, Касьяна Саковича и других.

В эпоху раннего Барокко, напрямую связанной с конфессиональными эпохами Контрреформации и Контрправославия, в белорусской литературе опять же возникает новая интерпретация понятия «литвин» и «русин». На этот раз принадлежность к той или иной народности определяется не территориальным, а конфессиональным критерием. Как правило, русинами называют православных Речи Посполитой Литовской и Речи Посполитой Польской, а после 1596 г. русинами называют также униатов.

Если в «Кароломахии» Христофора Завиши (Вильно, 1606; литовские ученые приписывают авторство этой поэмы Лаврентию Боеру), как и в «Радзивиллиаде», большинство героев Ливонской войны и Киргхольмской битвы,

---

[7] [Meletiusz Smotrycki] *Werificacia niewinności powtore wydana* <...>, [Wilno, 1621], 60 r.

[8] *Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны* / уклад У. Г. Кароткага, Мн.: "Навука і тэхніка", 1991, с. 74.

[9] *Echo żalu na głos lamentuiącego po nieopłakanej śmierci* <...> *Józefa Bobrykowicza*, Wiewie, 1635, s. [3].

белорусские князья, именуются литовцами, то Мелетий Смотрицкий, наоборот, заостряет внимание на их «русской» крови. Так, в «Треносе» 1610 г. он перечисляет те роды белорусских православных магнатов, которые, изменив православию, перешли в католицизм. Среди них – князья Острожские, Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Сангушки, Соломерецкие, Масальские, а также Ходкевичи, Сапеги, Кишки, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Тышкевичи, Корсаки, Скумины, Потеи[10]. Более того, в «Верификации» он упоминает «osobliwie trzech owych przechabrych Herkulesow ruskich, Hannibalow y Scypionow xiążęcia Romana Sanguszka, wojewody Brasławskiego, Hetmana polnego, W. X. Lit. pana Grehora Aleksandrowicza Chodkiewicza kasztellana Wileńskiego, a mało przed nim pana Konstantyna xiążęcia Ostrozskiego Woiewody Trockiego, Hetmanow nawyższych W. X. Lit. mężow Ś. pamięci y trudno wysławioney dzielności» (Smotrycki, 1621, 9–10).

Еще более парадоксальным является то, что среди русских народов Мелетий Смотрицкий называет и литовцев. Приведем соответствующую цитату. «Tak, mnogiego gęstego y niezliczonego ludu chrześciańskiego Wołyńcow, Podgorzan, Podlaszan, Polesian, Podolan, Nizowcow, Ukraińcow, Litwy, Białey Rusi y Czarney, od Tatrow Beskidskich do morza Bałtyskiego na Wschod słońca y południe w Koronie y w Wielkim Księstwie Litewskim szeroko rospościerających się chrześciańskich ruskich narodow w szestnastu ludnych episkopskich dyocezjach sześć episkopow siodmego archiepiskopa pod władzą jurisdictiej swojey maiącemu metropolitowi przy prywatnych consultacyach stać za ramionami biskupow pod tymże y iednym Pasterzem będących <...> nie był powinien» («Ты, [каждый из] великих, густонаселенных и неисчислимых христианских народов – волынцев, подгорцев, подляшцев, полешуков, подольцев, Низовцев, украинцев, Литвы, Белой Руси и Черной, от бескидских Татр до Балтийского моря, на восход солнца и на юг, в Короне и в Великом Княжестве Литовском, [ты, каждый из числа] широко расселившихся христианских русских народов, в шестнадцати многолюдных епископских диоцезиях, при том, что Митрополит имеет шесть епископов [и] седьмого архиепископа под властью своей юрисдикции, во время приватных совещаний ты не должен был стоять за спинами бискупов, объединенных под властью одного и того же Пастыря» (Smotrycki, 1621, 8–8 v.).

Заметим, что русичи Речи Посполитой Польской чаще всего называют русичей Речи Посполитой Литовской «литовцами», «литвинами». Даже православные иерархи, происходящие из разных частей бывшей территории Руси, по-разному идентифицируются по своему происхождению: Мелетий Смотрицкий из Подолья – русин, Ян Дубович из Белой Руси – литвин. Непостоянная, а порой и спорная номинация отдельных территорий Великого Княжества Литовского, идентификация княжеских и шляхетских родов, на мой взгляд, являлась стремлением интеллигенции нашего государства к государственному самоопределению в связи с обострившимися тенденциями к так называемому «собиранию земель» нашими западными и восточными соседями.

[10] [Meletiusz Smotrycki] *Θρῆνος To iest Lament* <…>. Wilno, 1610, 15 – 15 v.

ВІСЛІЦКІ, ЯН, 2005: *Пруская вайна=Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum: на лац. і беларус. мовах;* уклад, перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай, Мінск: Прапілеі.

ПРАДМОВЫ, 1991: *Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны* / уклад У. Г. Кароткага, Мн.: "Навука і тэхніка".

СКАРЫНА, ФРАНЦЫСК, 1990: *Творы* / уклад. А. Ф. Коршунава, Мінск: "Навука і тэхніка".

ФРАНЦЫСК СКАРЫНА, 1988: *Францыск Скарына: Зборнік дакументаў і матэрыялаў* / уклад. В. І. Дарашкевіча, Мінск: "Навука і тэхніка".

ECHO, 1635: *Echo żalu na głos lamentuiącego po nieopłakanej śmierci <...> Józefa Bobrykowicza*, Wiewie.

RADVANAS, JOANAS, 1997: *Radviliada* / Parengė, įvadą, komentarus ir asmenų žodynėlį parašė, vertė iš lotynų į lietuvių kalbą Sigitas Narbutas, Vilnius: Vaga.

[SMOTRYCKI, MELETIUSZ], 1610: *Θρῆνος To iest Lament* <…>. Wilno

[SMOTRYCKI, MELETIUSZ], 1621: *Werificacia niewinności powtore wydana* <...>, [Wilno].

STRYJKOWSKI, MACIEJ, 2000: O początkach (...) sławnego narodu litewskiego (...), *Antologia Wileńska, t. I: Litwa – Korona* / pod red. R. Karasia, Warszawa: Oficyna Literatów i Dziennikarzy „POD WIATR", s. 315 – 318.

Резюме

Для народов Беларуси, Литвы и Украины Люблинская государственная уния 1569 г. стала событием, предопределившим дальнейшие пути развития их политического самосознания, способы самоидентификации. Памятники литературы XVI-XVII ст. свидетельствуют о формировании в этот период новой культурно-социальной парадигмы. Литовский династический элемент становится определяющим в культурно-династическом строительстве Великого Княжества Литовского, подобно тому как варяжско-русский был определяющим в системе государственных ценностей Древней Руси с великокняжеским престолом в Киеве. Постепенно термин "литва", "литовцы" распространяется на значительные территории, объединенные полемоновичами, а само государство получило название Великое Княжество Литовское. В литературе объединенного государства термин «Литва» употребляется преимущественно как политоним.

Как известно, русичи (белорусы и украинцы) после Люблинской государственной унии входили как в состав Речи Посполитой Польской, так и в состав Речи Посполитой Литовской. В XVI-XVII в. этноним «русь» переходит в разряд конфессионимов, а как этноним употребляется лишь применительно к жителям Киевской Руси. Заметим, что русичи Речи Посполитой Польской чаще всего называют русичей Речи Посполитой Литовской «литовцами», «литвинами». Писатели Великого Княжества Литовского – как белорусскоязычные, так и польско-либо латиноязычные – по-разному трактовали историко-аксиологическое наполнение терминов "Литва", "Русь", "литвин", "русин". Свидетельством тому являются самые разные произведения Михалона Литвина, Августина Ротундуса, Ипа-

тия Потея, Мелетия Смотрицкого, Иосифа-Вельямина Руцкого, Касьяна Саковича и других.

Владимир Короткий,
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры истории белорусской литературы Белорусского государственного университета (ул. К. Маркса, 31 220030 Минск)
Адреса электронной почты: korotki@from.by; ulad_karotki@mail.ru